

Габдулла Тукай: татарское «наше всё»

Фото: ru.wikipedia.org

Если Пушкина называют солнцем русской поэзии, то среди характеристик Габдуллы Тукая есть и «Луна», и даже «Солнце татарского народа». И если в головах русской просвещенной общественности Пушкин — «наше все», то для каждого татарина, умеющего читать и знающего родной язык, «его все» — это Тукай. Поэта, публициста, в какой-то степени бунтаря, героизировала и романтизировала советская власть, убрав, впрочем, неудобные штрихи из его портрета и даже выворачивая порой наизнанку его поэзию и приписывая ей надуманные смыслы. Называть Тукая поэтом — недостаточно. Он стал своеобразным символом татарского самосознания, истинным брендом татарского народа, а его трагичная, нескладная и печальная судьба (после определенной полировки) добавила этому символу эмоциональных красок. Кем же был Габдулла эфенди, Габдулла Тукаев, наш Тукай?

«ПОДОХ БЫ СКОРЕЕ, ОДНИМ РТОМ СТАЛО БЫ МЕНЬШЕ»

Чтение детской биографии Тукая повергает любого современного родителя в шок. Этот ребенок был решительно никому не нужен, его, как в игре про горячую картошку, то и дело перекидывали из одних рук в другие и, если верить автобиографическому очерку поэта, однажды даже привезли в Казань на рынок и стали просто предлагать на усыновление первому встречному. Как так могло получиться? Да очень просто.

Отец будущего «солнца татарского народа», мулла Мухамедгариф, умер, когда сыну было всего четыре месяца. Мать, которая была почти вдвое младше отца, скоро выдала замуж снова — и уже через четыре месяца она уехала к новому мужу в соседнюю деревню. Восьмимесячный малыш остался в родной деревне Кушлавич на попечении одной старой женщины. В четыре года мать наконец решила его забрать, но практически сразу же умерла, и мальчик остался круглым сиротой.

Начались скитания по приемным семьям: четыре года маленький Габдулла практически постоянно переходил из одного дома в другой. Едва ли не самой жестокой страницей его детства была жизнь у родного деда и его жены в деревне Учили. В той самой шокирующей автобиографии впоследствии Тукай напишет: «В этой семье я переболел ветрянкой и другими детскими болезнями, был до крайности изможден и истощен. Когда болел, слышал одно и то же: «Подох бы скорей, одним ртом стало бы

Дом Сагди абзый (с. Новый Кырлай). Фото: tukay-museum.ru

меньше». В итоге дед отправил мальчика в Казань, где знакомый ямщик прямо на Сенном базаре нашел ему приемную семью. Однако через пару лет приемные родители заболели и в страхе, что умрут, а малыш останется один на белом свете, снова отправили его в Учили к деду. Там никто не обрадовался, и довольно быстро ребенка сбыли с рук в деревню Кырлай, в семью крестьянина Сагди. Так что, вопреки ошибочному мнению многих, Кырлай не был родной деревней Тукая. Однако именно здесь оформились его первые хорошие воспоминания: мальчика не особенно нагружали сельской работой, и он день-деньской исследовал окрестные поля, луга и леса. Именно Кырлай сегодня считается в официальном тукаеведении источником вдохновения и любви к родному краю. А еще там он ходил в медресе, где научился читать и писать.

В девятилетнем возрасте Габдуллу (и его сестру Газизу) забрали родственники по отцу — дети уехали в Уральск. Неприкаянное детство не убило искру невероятного таланта, с которой родился мальчик. В Уральске этот талант и раскрылся полностью. Вместе с будущей страстью к метаниям и неприкаянности.

УРАЛЬСК: «НЕКАНОНИЧНЫЙ» ОБРАЗ ГЕНИЯ

В Уральске Тукай провел 13 лет — с 1894 по 1907. Из официальных, чисто выглаженных биографий Тукая следует, что по окончании медресе поэт, кроме родного татарского, отлично знал не только русский язык, но и турецкий, и татарский, и арабский, и даже персидский. Вот-де какой он был талантливый.

Но в попытке придать многогранному дару Тукая дополнительное сияние биографы перебарщивают: многие из нас умеют сказать несколько слов минимум на пяти языках и читать на латинице, но это не значит, что мы их знаем. Русский Тукай действительно освоил — и впоследствии стал первым переводчиком на татарский язык Пушкина, Лермонтова, Кольцова (подражание его произведению вообще стало первым стихотворением Тукая) и других русских классиков. Что касается арабского — ну естественно, он умел писать арабицей, это была официальная графика татарского языка. Умел читать и Коран — этому учили всех шакирдов в медресе. Но Тукай точно не смог бы общаться на арабском. Был в медресе один учебник на персидском, который шакирды зазубривали как заклинание. Турецкий, скорее всего, юный Тукай мог читать и понимать на правах родственного татарскому тюркского языка. Но он не был полиглотом.

А вот бунтарем — был. И прежде всего им были недовольны богословы. По воспоминаниям его сестры Газизы, молитвенный коврик Габдуллы был грязным и засаленным, но оказалось, что вовсе не от усердия при намазе. Просто мальчик использовал его как кухонный фартук, когда готовил еду. Пост он не соблюдал, частенько ходил с непокрытой головой (он и после не будет поклонником тубетейки — или вообще ничего не надевал на голову, или же носил студенческий картуз), первым в медресе начал курить (!) и совершенно этого не скрывал (!!!).

Учащиеся медресе «Мутыгия». Уральск. 1905. Г. Тукай — второй справа в первом ряду

В 1900 году родственник, взявший детей в семью, умер, а его жена Габдулла в доме держать не захотела. 14-летний юноша начал жить при медресе и лишился финансовой поддержки. Это было время страшной нужды. Если в течение учебного года он, как блестящий ученик, мог подрабатывать репетиторством для младших собратьев, то летом оставалось зарабатывать только переписыванием книг и документов для хозяина медресе. Порой юноша был вынужден ловить себе рыбу и пить воду из реки — об этом позднее рассказывал в своих воспоминаниях Ярулла Муради, его однокашник. Тукай с младых ногтей свыкся с бедностью. Однако ему, кажется, и в голову не приходило начать зарабатывать физическим трудом, как многие его сверстники. Он ожесточенно учился, читал, писал стихи — считался лучшим поэтом в медресе. Сын хозяина медресе, Камиль Мутыгый-Тухватуллин, стал его наставником: это был светски образованный молодой человек, который получил классическое образование, одевался по европейской моде и всем своим видом олицетворял новые веяния. Тукай работал в литературном кружке, основанном Мутыгый-Тухватуллиным, издавал свои произведения в его рукописном журнале. А когда в 1905 году была облегчена свобода печати, Тукай работал у своего наставника корректором и печатником в типографии — это приносило хоть какие-то, да деньги. Есть мнение, кстати, которое часто замалчивается, что Тукай при всей национальности своей поэзии и прозы был ярчайшим представителем западнического крыла в татарской культуре. Оно и понятно, почему замалчивается: он ведь был татарское «наше все», какой тут может быть Запад?

Камилем Мутыги. Уральск. 1905

Г. Тукай с

Г. Тукай в период работы в типографии. Уральск. 1905

Тукай был не чужд эпатажа, особенно во внешнем виде. Например, в период увлечения трудами Льва Толстого он как-то пришел работать в типографию в одной рубашке, перехваченной на бедрах женской шалью, и преспокойно так ходил. Правда, в идеологически выглаженных источниках шаль превращается в женский пояс, а об отсутствии штанов там и вовсе деликатно умолчали.

Впрочем, дружба с Мутыгый-Тухватуллиным кончилась довольно быстро, уже в 1906 году: Тукай был уволен из типографии за то, что подбивал остальных работников бросить работу, устроить стачку и требовать повышения жалованья. Романтизация революции 1905 года давала о себе знать. Юноша вынужден был выселиться из медресе и переехать в гостиницу «Казань», где он жил, кстати, в одном номере с Габдуллой Кариевым (будущим основателем татарского театра). После увольнения из типографии сбережения растаяли.

Г. Тукай среди уральских товарищей. Уральск. 1906. Фотограф В.П. Онуфриев

КАЗАНЬ: ВСЕНАРОДНАЯ ЛЮБОВЬ И ТОТАЛЬНАЯ БЕДНОСТЬ

В 1907 году Габдулла Тукай переехал жить в Казань и поселился в номерах «Булгар». Его целью, судя по письмам сестре, было учиться и заниматься литературой. Литературой он, конечно, занимался: публиковал свои стихи и прозу, выпускал книги. Опять же, в парадно-выходных биографиях поэта говорится, что он посвятит пять лет и восемь месяцев, остававшиеся ему до смерти, «служению своей Родине».

Немецкий ученый Михаэль Фридерих в свое время приехал в Казань, чтобы подробно изучить практически все доступные свидетельства и воспоминания тех лет о Тукае. Все, что он нашел, собрано в книге «Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы». И картина вырисовывается грустная, прямо противоположная пропагандистским панегирикам. Начнем с того, что за все эти годы постоянное место работы у поэта было только одно, и продлилось это чуть больше года — это была работа в издательстве «Китап» за зарплату в 25 рублей в месяц. Все остальное время жизнь была неупорядоченная и неустроенная. Несмотря на то, что к 1910 году Тукаю платили солидные гонорары, он все время был без денег — постоянного заработка не было.

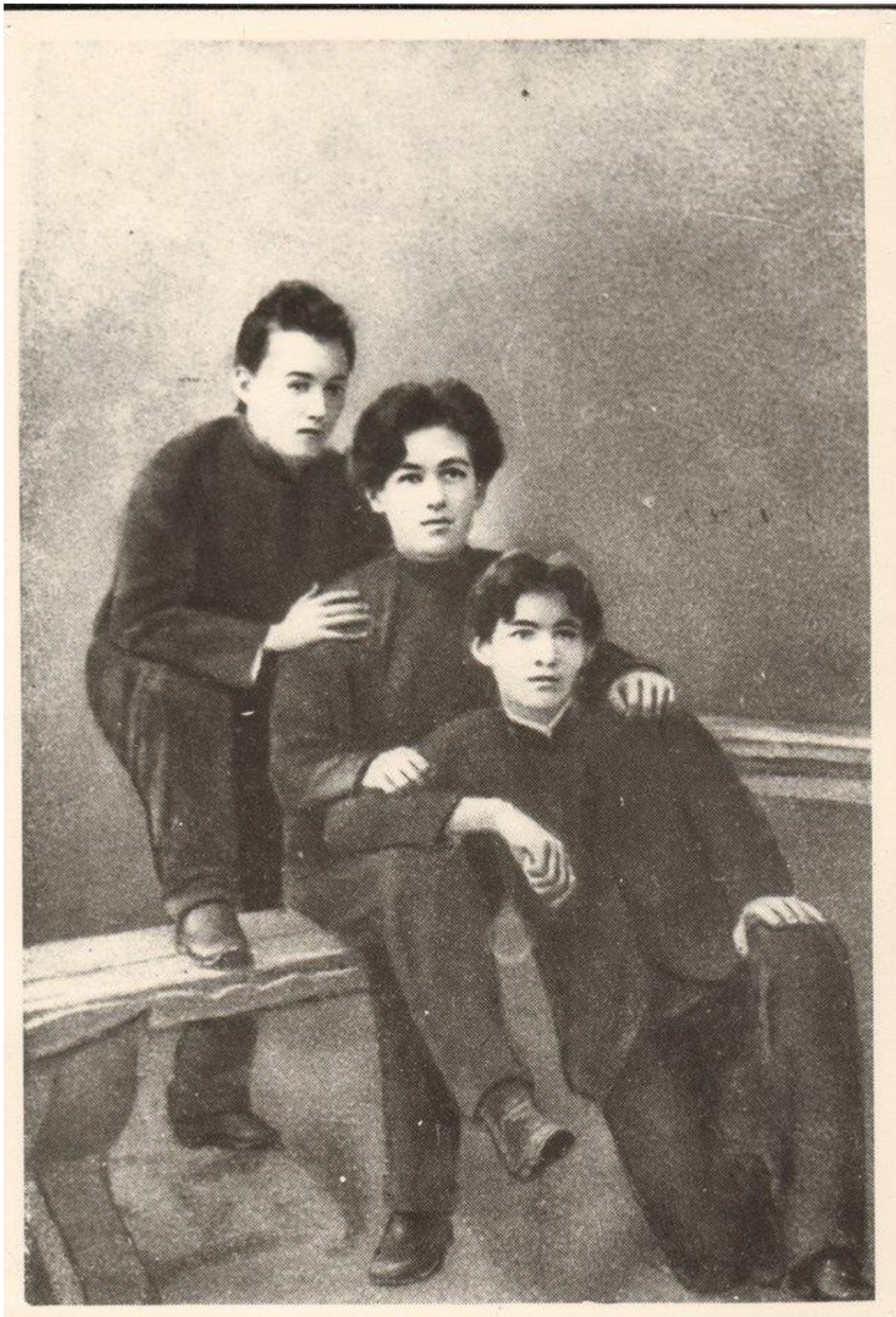
Г. Тукай (первый справа) среди членов редколлегии газеты «Эль-Ислах». Казань. 1907—1908. Фотограф С.И. Иванов

Интересный факт: Габдулле Тукаю принадлежит первый продакт-плейсмент на татарском языке. По заказу чайной компании «Караван» в 1908 году он написал стихотворение «Тэулек», в котором откровенно прорекламирал определенный сорт чая. Получил великий татарский поэт за это 25 рублей. Кстати, это стихотворение впоследствии еще очень долго не включали ни в одно собрание его сочинений: как же, «наше все», а до такого опускался.

Стихи о любви к родному краю, политические призывы, знаменитые «Шурале» и «Су анасы» — все это уже было написано. И Тукай продолжал. За неполные шесть лет в Казани он выпустил в общей сложности 30 книг, из них 13 детских. Он, кстати, был первым татарским литератором, который писал общие детские книги — и для мальчиков, и для девочек. До тех пор выпускались гендерно ориентированные хрестоматии, содержавшие прискорбно мало произведений.

Тукай был любим народом. Уже при жизни его стихи были положены на музыку, стихи, сказки и публицистика охотно публиковались. И несмотря на это, он был беден, как церковная мышь (если это выражение вообще можно применить к татарскому поэту). При этом вокруг него сформировалась странная компания. С одной стороны, он тесно дружил с Фатихом Амирханом и Габдуллой Кариевым, с многими другими людьми, которые потом станут классиками татарской культуры — и он навсегда останется далеко над ними. С другой, в его номере в «Булгаре» постоянно толпился подозрительный контингент из развеселых молодых людей, которым интереснее было гулять и пить, чем заниматься серьезной литературой. В круги настоящей, большой татарской интеллигенции Габдулла так и не попал — да и смотрелся он там, честно говоря, белой вороной.

В июне 1908 года он, понимая, что что-то пошло не так, с горечью писал Фатиху Амирхану: «Сиротство, нищенство, голод, продажа из деревни в деревню, сохраненная в медресе искра таланта — и все это потухнет безвозвратно среди этих пьяных друзей?» Кстати, о пьяных друзьях: поговаривали, что Тукай увлекался алкоголем под влиянием своей сомнительной компании. Гали Рахиму, сотруднику газеты «Аль Ислах», он говорил: «Я недоволен кругом, в котором оказался. И день, и ночь в моей комнате собираются люди, которые не знают, чему посвятить свое время». В богатых семьях среди образованных людей Тукай практически не появлялся. Фатих Амирхан писал, что жизненные условия Тукая в то время были исключительно беспорядочными и запущенными. А сам Тукай писал сестре: «Я в Казани хожу, как шалопай. Даже не успел нормально одеться и помыться».

Г. Тукай, С. Рамиев (в середине), Ф. Агиев (внизу). Казань. 1908

Г. Тукай. Фото на паспарту. Казань. 1908. Фотограф С.И. Иванов

ПОХОЖ ЛИ БЫЛ ТУКАЙ НА СВОЙ ПОРТРЕТ?

Парадно-выходной портрет Тукая, который мы привыкли видеть — приличный юноша в тюбетейке — вовсе не рассказывает нам, как каждый день выглядел поэт. Есть сведения, что для этой фотографии тюбетейку-каляпуш надели на него в ателье, потому что своей у него не было. Да он и не хотел. Вот что пишет Сагит Рамиев о том, как выглядел и держал себя Габдулла Тукай:

«С непокрытой головой, в темных очках, надел на себя старую одежду — то ли плащ, то ли казакин, на ногах потрепанные штилеты — такой неприглядный парень». А вот еще одно свидетельство того же автора: «Он все время носил одежду либо слишком большую, либо слишком узкую. На голове — или кепка, или широкая русская фуражка. Волосы носил длинные и никогда их не расчесывал. В баню ходил редко, одежда очень грязная. Штанины чаще всего подняты вверх и заправлены в ботинки. Шнурки от штилет не завязаны и волочились по земле».

В общем, картина вырисовывается неприглядная. Похоже, поэту было совершенно все равно, как его воспримут. С определенного момента Тукай ненавидел рестораны: пару раз его не пустили туда из-за неподобающего внешнего вида. Правда, в 1912 году, когда он был в Петербурге, друзья все-таки надели на него белый воротничок, сделанный из манжеты, чтобы пойти с ним в ресторан...

Г. Тукай (во втором ряду, третий слева) среди членов татарского драматического кружка. Астрахань. 1911. Фотограф И.М. Бочкарев

ОТ ЧЕГО УМЕР ТУКАЙ?

Великий деятель татарской культуры Тукай прожил неполных 27 лет. Еще приехав в Казань, он сильно заболел — писал сестре, что климат не подходит. На самом деле поэт заразился туберкулезом, который из-за периодического голода, общего сниженного иммунитета, нездорового образа жизни убил его за пять лет. Но сам он о своей болезни не знал.

Доктора прописывали ему пребывание на юге, в степи, — и он ездил в Астрахань и в Уфу, лечиться кумысом и дышать воздухом степных трав. Помогало ненадолго. Он путешествовал, и везде, куда приезжал, в основном болел.

Г. Тукай. Казань. 1912. Фотограф И.М. Якобсон

В 1912 году, во время визита в Петербург, под сильным давлением тамошней татарской интеллигенции он обратился к врачу. В книге Фридериха приводится цитата, в которой поэт обращается к

одному из своих друзей и опасается, что вся его болезнь — это сифилис, который медленно его убивает. Судя по этой цитате, Габдулла Тукай был в этом уверен, а свое медленное угасание считал своеобразным наказанием. Питерский врач успокоил поэта: никакого сифилиса у него нет. Тот был на седьмом небе от счастья.

Но доктор сказал друзьям, от чего умирает этот хрупкий молодой человек — к тому моменту одно легкое у поэта было полностью разрушено туберкулезом, а от второго в рабочем состоянии оставалась только половина. Это был приговор. И Тукаю никто так и не смог его озвучить. Он еще раз съездил на юг, наотрез отказался ехать в Швейцарию (да и на что бы он туда поехал?), вернулся в Казань, слег в больницу — и умер там через две недели в начале марта 1913 года. На знаменитой фотографии он запечатлен незадолго до смерти.

И до самых последних дней он продолжал писать статьи и стихи.

Г. Тукай в больнице Г.А. Клячкина. Казань. 1 апреля 1913. Фотограф И.М. Якобсон

«НАШЕ ВСЕ»

Смерть Габдуллы Тукая стала огромным ударом для татар. По самым скромным подсчетам, на Ново-Татарское кладбище в Казани его провожали более 6 тысяч человек — здесь была и та интеллигенция, которая его не принимала, и его друзья, и несколько священнослужителей, которые читали молитвы, и — что было совершенным нонсенсом — женщины. Они даже прошли на кладбище вместе со всей остальной процессией, чего по исламской традиции делать категорически не должны были.

В школах и медресе Казани и многих других городов, где жили татары, в день похорон великого татарского поэта были отменены занятия. Шакирды молились, школьники плакали. В каждой деревне знали, что Тукай больше нет — удивительно, но быстро разнеслись новости и по родному для Тукая Заказанью. В газетах еще много дней печатали телеграммы соболезнования со всех уголков не только татарского, но и тюркского мира. Как-то так вышло, что этот нескладный, непонятый, меланхоличный, несобранный человек еще при своей жизни стал символом самосознания целой нации, его любили не меньше, чем в Петербурге в 1837-м любили Пушкина. Но при этом Пушкин хотя бы не бедствовал. А Тукай всю жизнь преследовало клеймо одинокого, никому не нужного сироты, который навсегда останется бедняком.

Но после смерти он вознесся выше всей остальной татарской интеллигенции, мгновенно был признан светочем национальной культуры. Ему посвятили сотни стихов сразу же после смерти, о нем плакали все татары мира. Нет в татарской культуре второй звезды такой огромной величины. В классическом «тукаезнании» принято считать, что это он сформировал литературный татарский язык и что это именно благодаря Тукаю существует вся татарская литература. На самом деле, конечно же, это совсем не так —

Похороны Г. Тукая. Казань. 4 апреля 1913. Фотография на бланке почтовой карточки

параллельно с ним творили десятки татарских писателей и поэтов, и все они писали примерно на одном языке. Однако только Тукаю был дан этот уникальный дар — его стихи даже в русском подстрочнике будто бы доверчиво заглядывают тебе в душу.

КАК ПАМЯТЬ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В БРЕНД

Как только не интерпретировали в угоду властям тукаевские строки! Одни и те же стихи воспринимались противоборствующими политическими группировками совершенно по-разному. Атеисты верили в то, что Тукай боролся с богом, религиозные люди — что он клеймил безбожников. Коммунисты видели в его творчестве активную пропаганду соединения пролетариев всех стран и призывы от избавления векового гнета эксплуататоров. Эксплуататоры видели любовь к старому укладу. Когда пришли тридцатые годы, всем стало как-то не до борьбы: важно было выжить, а о чем писал татарский поэт, умерший двадцать лет назад — было не очень интересно. Тогда Тукай интерпретировался как «певец родного края» — так было безопаснее всего. Мимо пронесся 1937-й, который прошелся кровавой косой по всей татарской интеллигенции и пригасил национальное самосознание еще на много лет. Памятник Тукаю, который было собирались делать в Казани, отложили в долгий ящик — после султангалиевщины-то мало ли что в Москве подумают... В застенки НКВД не хотелось никому. И все замолчали.

Фото: Максим Платонов

Молчали во время войны, молчали в пятидесятых... И только при Хрущеве первый памятник робко появился в деревне Кушлавыч — протестировали, как примут памятник национальному поэту большие власти. Власти ничего не сказали. Поставили второй памятник — в Кырлае. Не возразили. И тогда наконец появился памятник в Казани, в нынешнем сквере Тукая, сделанный при участии Садри Ахунова. А потом памятник Тукаю украсил и театр оперы и балета имени Мусы Джалиля (кстати, сам Джалиль в оформлении театра не фигурирует). Получилось символично, ведь на другой стороне театр украшает памятник Пушкину. Так они и стоят рядышком — русское и татарское «наше все», люди, которые прожили короткую, но невероятно большую жизнь. Люди, которые, по сути, создали фундамент для двух литератур. О человеческой сути которых все давно забыли, но которые прочно стали брендами, символами двух народов.

И каждый школьник в Татарстане знает бессмертные тукаевские строки о родном языке...

Людмила Губаева, фото: Институт языка, литературы и искусства Академии наук РТ

ОбществоКультура Татарстан

Источник : <https://m.realnoevremya.ru/articles/257149-gabdulla-tukay-tatarskoe-nashe-vs>